В некотором царстве… Так хотел я начать свое повествование. И тут же расхотел. Речь ведь пойдет обо мне, и царствование, под которым я нахожусь, и царство, в котором — ой как известно.

Нынешняя поездка в столицу долго и упорно сопротивлялась. «Сиди дома!» — стучал кто-то в темя. Сначала я заказал билет по Интернету. Как водится в нашей не умеющей считать семье, оплатил сразу и по полной. Стану я связываться с вашими непонятными кредитами! Через три дня смс-кой мне сообщили, что мой рейс отменяется, а деньги я смогу получить обратно тем же путем (по банковской карте, стало быть) в течение 30 дней. Вот странно, почему «тем же путем», то есть сразу нельзя отдать мне мои деньги? Ладно, отдали бы…

Не получилось с первого раза — но мы же не из слабаков, мы не сдаемся. А денег-то поубавилось. А сроки поджимают. А билеты, чем ближе срок, тем дороже. Стало быть, надо искать, где подешевле. Ага, вот оно! И что бы во мне какая жилка дрогнула!

И что бы внутренний голос хоть как-то отдаленно напомнил мудрую английскую леди. Напомнил, ха! Что нам бабы, да еще из туманного далека! Итак, сайт с предложением приличной экономии на прогонных найден. Выходило процентов на 10 ниже, чем предлагали все прочие. Вот тут и началось самое интересное. Забыл отметить, что сайт с выгодным предложением был оформлен по всем правилам и законам Интернета: электронный адрес, номер телефона для обратной связи, ну, и все такое прочее. Порядочный человек (читай, он же дурак пожизненный!), я как на духу выложил все свои данные — паспортные, кредитные, адресные — по первому требованию. Из осторожности все-таки набрал номер обратной связи и получил вежливый ответ: свободного оператора сейчас нет, вам позвонят позднее. Потом мне выдали пароль, который якобы я переправил с ошибкой, потом другой, третий… Я спохватился, когда с меня потребовали какую-то невероятно далекую от стоимости билетов сумму, но было поздно. На банковской карте остались жалкие гроши, а общая сумма, которую содрали с меня, впятеро превзошла поименованную стоимость билетов. Вежливые ответы по телефону продолжались, почта не откликалась… А дальше — банк, переговоры с московским банком, полиция, протоколы… Вы, вероятно, знаете, как это бывает. Больше всего запомнился вопрос, повторяемый в разных кабинетах полиции:

— А участковый у вас был? Он должен был принести памятку, как не попасться в лапы финансовым мошенникам. Под роспись!

— Не знаю, дома бываю не всегда. Может, сын расписывался.

За всеми хлопотами и волнениями ушел день, а с ним и надежда, что деньги когда-нибудь вернутся. Забыл спросить у сына про бумажку от участкового, зато на выходе из квартиры, когда я спешно отправился в гастроном за лекарством от горя и позора (у нас в Барнауле его, кстати, отпускают до девяти вечера), нос к носу столкнулся со стыдливо переминающимся с ноги на ногу детиной под потолок. Про таких в дедовой деревне говорили: поросят об лоб зашибать. К стыдливости его примешивался какой-то непонятный испуг.

— Это вы сегодня писали заявление? — И протянул мне листок с какими-то записями и картинками из-под принтера. — Вот, распишитесь.

Дело к девяти, не до обсуждений. Служивый человек исполнил свой долг. С опозданием? А кто устанавливал ему сроки? Может, и устанавливали, нам сие неведомо. Зато познакомились с участковым.

— Оружие у вас есть? — спросил он уже за моей спиной.

— Скалка на кухне.

Вот же служаки! — подумал я на бегу. — Нормальный человек спросил бы: это вас сегодня обокрали? А этот: это вы написали заявление? А еще не давал покоя хрестоматийный итальянец: «оставь надежду всяк…»

«Остановись!» — вопиет внутренний голос. Как же! Собираю свои финансовые остатки, что могли, подбросили братья-писатели («При чем тут писатели?» — зададите вопрос. Да вот в этом-то и вся петрушка! В Москве, в Союзе писателей России пленум, посвященный предстоящему обмену членских билетов. А еще юбилейные торжества в честь 60-летия Союза писателей. А я руковожу местными писателями. Ладно вам со смешками, понятно и так, что руководить ЭТИМ невозможно.) В общем, вывернул все, какие нашлись, карманы, пошел в авиакассу и заплатил, разумеется, больше, чем до того предлагали взять с меня и жулики, и честные. Кассирам же надо из чего-то зарплату делать.

И, стало быть, поехали. То есть полетели. Ничего не скажу, в аэропорту, в самолете — все чин-чинарем. Лететь четыре часа, надо что-то делать — читать, конечно. Прихватил с собой газетку, где мой товарищ новосибирский поэт Владимир Берязев высказался по поводу предстоящего московского пленума, а точнее — по поводу предложенной одним из руководителей местных писорганизаций (ой, да чего уж там! Иван Ерпылев его имя, он из Оренбурга) декларации отношения Союза писателей России к иным писательским организациям. В преамбуле к проекту этого документа автор сообщает: «Часто говорят, что противоречия между двумя союзами уже исчезли, остались в прошлом. Что там и там графоманы. Да, может быть, и графоманы. Но для общественной организации важен нравственный настрой… Все-таки либерализм, творческое и нравственное раскрепощение — это визитная карточка именно Союза российских писателей (альтернативная организация — *А. К.*). Эту идеологию

исповедуют и талантливые люди, и графоманы, которые являются его членами. Мне же милее простые и понятные ценности Союза писателей России — пусть даже некоторые его члены пишут не совсем складные стихи о Боге или о Родине.

И поэтому Союз должен объединять не столько талантливых людей, сколько людей, исповедующих традиционные ценности для того, чтобы в последующем передать их новым поколениям литераторов».

Тут и не сдержался Берязев на гОре своей голове садовой, выступил в газете «Литературная Россия». Вот пишет: «То есть, говоря прямо: у вас фекалии либеральные, а у нас патриотические и высоко моральные — наши лучше, традиционнее, запашистее! Грешен, но — иначе не скажешь!..

Уход в партизаны — это даже не метафора, это уже происходит. Многие мои друзья и коллеги, обладающие именем, авторитетом, устоявшимся представлением о предназначении литератора, стараются дистанцироваться от структур, объявивших себя творческими союзами… Вот еще один из перлов председателя оренбургской организации СП Ивана Ерпылёва:

Многие талантливые писатели ушли в свободное плаванье, не декларируют отношение к союзам, и это их выбор. Но нам — объединенным в Союз писателей России, следует беречь его традиции, его отношение к слову.

С позволения спросить, традиции какого Союза писателей России автор предлагает беречь? Традиции того самого, что раздербанил писательскую собственность после распада СССР, традицию нищеты, унижения, бесконечных судов за остатки имущества, традиции лакейства и непрекращающихся раздоров в стане любимцев Муз? Или традиции СП РФСР? Если все-таки речь идет о Союзе писателей, который возглавлял Сергей Владимирович Михалков, автор нашего бессмертного гимна и «Дяди Степы», то юриста — председателя из Оренбурга к оному Союзу в те самые приснопамятные времена на пушечный выстрел бы не подпустили. Посему я бы предложил ему судить не выше сапога, но, отвечая на приведенную цитату о свободном плавании как самостоятельном выборе писателя, хочу спросить: а отсутствие в вашей региональной организации, входящей в СП Рос-

сии, лучшего прозаика Оренбурга и одного из ведущих писателей нашего Отечества Петра Краснова — это свидетельство его свободного выбора или нежелание запачкаться?

Когда я собирал и проводил в 1999 году III съезд писателей Сибири, — продолжает Берязев, — для того чтобы в полной мере возродить журнал «Сибирские огни», мне было легче. Авторитет «инженеров человеческих душ» как элиты российского общества был еще на весьма высоком уровне. Еще живы были многие и многие выдающиеся мастера, сформировавшиеся в прежней литературоцентричной эпохе. Увы, по прошествии 20 лет даже выдающиеся мастера отодвинуты на периферию социальной жизни и вынуждены заниматься выживанием, а не собственно художественным творчеством… Но у меня язык не повернется ассоциировать их с действующими (или изображающими деятельность) писательскими союзами, они живы и присутствуют в нашем культурном пространстве скорее вопреки этой псевдодеятельности. Они как самобытные личности, как некие точки бифуркации, которые должны в итоге изменить равновесие системы. Именно от них, думаю, начнется некое партизанское движение, должное полностью отвергнуть охлократические гомункулусы недоразложившихся писательских союзов, деление на наших и ваших и предложить свое служение и свое творчество в качестве духовной независимости и той самой тайной свободы, доступ к которой, как к неисчерпаемому источнику энергии, был открыт в Слове два века назад солнцем нашей поэзии».

Жестко, ничего не скажешь. Не мог не получить сибирский писатель столь же жесткого ответа за свои слова об охлократии, разбазаривании имущества, никчемности творческих союзов. И получил. На самом высоком уровне. Не правы, вы, Владимир Алексеевич, клевещете. Да и сами-то вы весь в грехах потонули… То, что Берязев когда-то в самом прямом смысле спас уверенно идущий ко дну старейший российский журнал «Сибирские огни», — не в счет.

В ходе дискуссий, предшествовавших пленуму, да и задолго до и после него было много разговоров о преемственности и преемственниках, в частности, Союза писателей СССР. Вроде юристы доказали, что СП России не является таковым преемником. А как быть со мной, к примеру, если мне писательский билет

Союза ССР поменяли на российский, сказав при этом: «Ты есть преемник». С имуществом Союза писателей, в коем безо всякого сомнения больше всего денег от российских творцов, тоже не все так просто, оно разошлось по новым государствам, по осколкам бывшей великой страны, растеклось по неким частным лицам и муниципальным фондам, истаяло в небытии… Хорошо это или плохо, но нам, провинциальным писателям, все эти разговоры об имуществе, рассредоточенном по бывшей территории Советского Союза, как и о сосредоточенном вокруг Москвы, подобны далеким неведомым ветрам, чьи отголоски даже до Урала не долетают. А вот наше, барнаульское имущество — Дом писателя, построенный на доходы от писательских трудов (на деньги Литфонда) при советской власти, — отчего-то вдруг на столичный лад перешло в муниципальную собственность. Теперь там — вот парадокс и знак судьбы! — хоспис, последнее пристанище умирающих людей. Кто-то передал эту собственность из рук в руки, скрепил бумагу подписью? Ничего подобного! Стало быть, содеянное — обыкновенная покража. Правда, теперь уже никому не ответить на вопросы — кем совершенная и когда?

А вот еще вопрос. Если Союз писателей России не является преемником того, Большого, чем он фактически отличается от других творческих союзов? Возрастом? Традициями, которые мало кто внятно может сформулировать? Лично я за единый и неделимый Союз писателей, но как быть с теми, другими, уже состоявшимися, прожившими десятилетия и готовыми бороться за свое существование? Опять война, которая, — наивный! — казалось мне, начала стихать?..

Но вот и Москва. Отбросить мысли, от которых — бросай не бросай — остается опасение, что перейдут они в разговоры и споры на пленуме. Хотя вряд ли, времени мало, два-три часа — а там надо спешить в Дом литераторов на торжество.

Добрался до писательского штаба без приключений, встретил старых знакомых, покивал новым. Полез в карман за визитной карточкой — для кого — уже не помню — и обнаружил, что паспорта нет. Обыскал все карманы, уголки и закоулки дорожной сумки. Нет! Как и не было! Та-ак… В голове сумятица и лихорадочное восстановление недавних событий: на посадку без па-

спорта не пустят, стало быть, потерял или при дурацком раздевании-одевании на контроле, выронил в предполетном зале ожидания, или, что самое вероятное, документ выпал из кармана пиджака, а может, куртки, которые я в спешке (задние напирают!) засовывал уже в самолете в полку над сиденьями. И тут же ввернул тот самый умник из подсознания: «А я тебе говорил, ничего хорошего из этой поездки не будет». Паника. Я в Москве, обратный билет на послезавтра, без паспорта можно его выкинуть. Стоп, ребята! А как вообще-то дальше жить? Денег в обрез, билет не сдашь, он невозвратный (еще один привет от английской дамы, не рекомендующей есть дармовой сыр!), кто меня тут поить-кормить будет? Звоню сыну в Барнаул, он обещает связаться с местным аэропортом и с компанией-перевозчиком. Затем телефонные переговоры с московским другом Владимиром Куницыным, и он обещает, что его моторная теща берет на себя Домодедово. Руководитель Союза Николай Иванов связывает с местным участковым. Тот сама любезность (безо всякой иронии!).

— Иди фотографируйся, сделаю тебе справку.

Мотнулся по окрестностям (какое-то время до начала пленума еще оставалось) — фотоателье не обнаружил. Тут позвонил друг Куницын и успокоил: ничего не надо, завтра теща отвезет нас в МФЦ, там и сфотографируют, и справку выпишут. А ты, дескать, занимайся своими делами. Участковый с сомнением хмыкнул в телефон:

— А кто ж вам без меня вашу личность установит?

Но я больше поверил в мощь и жизненные познания Ольги Леонидовны, тещи Владимира Куницына. Уже многие в присутствии (мои знакомые, а их большинство — уж точно) знали о моей беде, сочувствовали. Больше всех сокрушался Виктор Кирюшин.

— Ну, чем же тебе помочь-то, а? Ума не приложу!

И правда, чем тут поможешь? Как бы там ни было, я немного успокоился: не я же один такой исключительный, уверен, куча народу побывало в подобной ситуации. Выкрутились, выжили.

Между делом прочитал интервью руководителя Союза писателей газете «Российский писатель» по поводу предстоящего пленума и прочих писательских дел. Нормальное интервью,

деловое, ни ссылок, ни упоминаний про ерпылевскую декларацию нет. Пронесло, большой войнушки не будет, а малые… Сейчас начнется заседание, и возникнут вопросы, к примеру, как нам спасать отечественную литературу, а ряды честных писателей очистить от бесчестных. Задача — выяснить, кто кого честнее — навсегда останется нерешенной, это уж как водится. Смотрю на наше изрядно потрепанное, постаревшее воинство, на себя оглядываюсь — не отличаюсь! Боже мой! Вот отбросить все — про душевность, напевность, народность, традиции, — в сухом остатке — вопиющая старость. Разумеется, есть исключения, вот и Совет молодых при Союзе образовался! Но все это общей картины не меняет. Ладно, пленум, тут народу поменьше, а на съезде глянешь сверху в зал — седины да лысины с сединой. Может, это оттого, что на подобные сходки съезжаются писательские начальники, вожди различного масштаба и калибра — дослужились, состарились на службе.

Пленум прошел, как в таких случаях говорят и говорили полвека назад, организованно, без затяжек. Тянуть нельзя, через пару часов в ЦДЛе мероприятие, торжество. А я куда — без паспорта, без настроения… Сижу в сторонке, жду непонятно чего. Друг Виктор Кирюшин сочувственно заглядывает в глаза, и в его взгляде все тот же бесполезный вопрос: чем тебе помочь? Он так искренне опечален, будто это у него пропал паспорт.

Подходит Леонид Иванов из Тюмени.

— У меня вот тут, — раскрывает передо мной бумажник, — две тысячи, давай располовиним. — И протягивает мне тысячную бумажку. — Как ты тут продержишься?

— Не надо, Леня, спасибо. В Москве наши деньги — не деньги. Да и найдутся друзья, помогут.

Сотрудница аппарата протянула мне газету «День литературы», на первой же странице знакомое лицо. Ничего удивительного, вон сколько их, знакомых!

Сижу. Думаю, как сейчас в ЦДЛе будут все поздравляться, радоваться. Потом те, кто приехал издалека, рванут в Переделкино, расселятся по комнаткам и будут выпивать во славу отечественной литературы. (Накануне в главном писательском доме был министр культуры — неспроста! Ждем! Чего? Ну, перемен, чего ж еще!

К лучшему, разумеется!) А я вот тут без паспорта, и так сиротливо на душе! Подумаешь, Кирилин из Барнаула, какая-то единица! Кто-то из классиков, не вспомню сразу, сказал: «Если б не мое заикание, мир был бы совсем другим». Вот-вот, картина мира меняется в глазах каждого на свой лад. На свой — и только-то!

Обнялись со старым другом Сергеем Котькало, тоже штабной работник, сопредседатель.

— Ну, что у вас там нового?

— Какого рода новости тебя интересуют?

— Новые имена, книги.

— С этим у меня очень просто, их всегда немного. Да и не разглядишь большинство из-за сосен, из-за спин… Есть прекрасный томич Владимир Костин, сейчас как раз редактирую его книгу. Талантлив, умен, образован. Есть сравнительно молодой парень из Ангарска Игорь Корниенко. Волшебная проза, удивительное понимание того, что делает, для чего. И представь, Костин из другого Союза, где, по словам некоторых непримиримых, сплошь либералы и космополиты! А Корниенко вообще ниоткуда, у него в графе профессия написано «слесарь третьего разряда», но, насколько мне известно, слесарить он не очень рвется. А в адресе указано: рабочее общежитие, койка у окна справа. Бродяга, словом.

Про койку у окна я, конечно, пошутил. Боюсь, что на самом деле у Игоря ни окна, ни койки — путешественник в мире слов и иллюзий, насельник волюшки вольной. Вот так, Сережа… Есть! И это хорошо, что мало!

Пишем, пишем, пишем… Кто хуже, кто лучше, но нынешняя топь, поглощающая все и всех, — беспощадна и безмерна…

Кто уходит, кто только появился. Обнимаются, целуются троекратно (у попов научились), — и никто никому не рад, это читается в глазах.

Наконец-то за мной приехал мой друг Куницын, и мы отправились к нему домой. Понятно, разговоры только об утерянном документе. И вся надежда на завтра, на Ольгу Леонидовну. Мы с ней познакомились год назад, когда Володя собирался в Израиль, и нужно было объехать кучу всяких контор и ведомств. Я в качестве праздного пассажира, за рулем своей машины Ольга Леонидовна. Ее моторика — в словах, в движениях, в оценках

случайностей и закономерностей — поразила меня. Но больше всего удивило и восхитило умение водить машину по Москве. Братцы мои, московские бывалые таксисты — дети из начальной автошколы по сравнению с ней!

Между тем позвонил сын из Барнаула и поведал, что в тамошнем аэропорту про мой паспорт ничего не известно. Позвонила и Ольга Леонидовна: в Домодедове ей сообщили то же самое. Но на завтра наши действия она уже четко спланировала, и, сомнений нет, проблема разрешится.

В ожидании ужина, который готовит Володина жена Марина, разглядываю свежий номер привезенной с Комсомольского проспекта газеты. Вот знакомый портрет, статья с названием «Три урока» и подзаголовком «Русская жизнь и русская литература». Статья большая, на половину первой полосы и в таком же объеме — на пятой. Ага, вот и первый урок. «Русская литература. Чему она учит? Верности своей земле, чувству хозяйской причастности и любви к читателю (??? — *А. К.*). В Иване Бунине пронзительно режущий нюх к жизни (!!! — *А. К.*), тоска и переживание каждого штриха происходящего, небоязнь сделать его событием и опорой повествования (??? — *А. К.*). И впечатление, что душа в стихах, верно исполняя канон, но не найдя простора, потребовала шири, и Иван Алексеевич нашел ее в прозе…» Сильные заявления, еще и в виде урока: мотай, дескать, неуч, сакральное литературоведение на ус, постигай! Робкий вопрос просится наружу: а если кто-то из авторов не нашел того самого простора в прозе и обратился к поэзии? Такое может быть? Читаю дальше. «У прирожденного поэта дом не делится на сени и горницу. А все одно светящееся пространство. А если есть ощущение простенков и позыв узнать, что за дверью, — тогда и в путь. И к нему свой след: меньше надежи на мгновенные озарения, больше способностей к стройке, что ли. Больше рассудительности. Хотя не то все…» Да отчего же, все то! Вот только без надежи как-то неуютно. «У Бунина язык — одно из главных действующих лиц повествования, но не так, как у рассуждающих о форме и содержании, делящих на средства и нечто более важное, им противопоставляемое, — а язык, как носитель национальной прапамяти. Каждое слово имеет свою даль и свою историю, и нет ничего

прекрасней, чем следить ее, снимать кожурки слой за слоем и доживать до первообраза…» Ммм-да… Кожурки, картошечка! Марина, ну, как там наш ужин? Скоро ли? «Иван Алексеевич близок начинающему сочинителю — глядя на него, понятно, как работать неумелому…» Ура! Ужин готов! Подхожу к столу, и — о, диво! — среди прочей снеди дымится несравненная картошечка. Хоть и не первообраз, но уже давно вошедшая важной частью в русскую жизнь. Прощай покуда, Иван Алексеевич! Что-то мне еще предстоит открыть в тебе!

Марина! Слава тебе! Ужин был царский! Но, прости меня, все нынче не в радость. Чертова бумажка! (Это я так про себя начал именовать сбежавший от меня документ. Он-то при чем?)

Еще один звонок в Барнаул. Своей любимой. Почему-то сазу не решился. Она выслушала, подумала немного и сообщила:

— Знаешь, что вспомнила? Стихотворение твоего друга Стаса Яненко, тебе посвященное. Как там оно начинается… «Свет не видел таких дураков…» Моя воля — я бы продолжила: и не увидит. Потому что таких больше нет!

Ну вот, хоть кому-то сегодня весело!

Вторая тема нынешнего моего дня (если б не мой злополучный паспорт, конечно же, первая!) — наш общий друг и мой земляк поэт Иван Жданов. К тому времени история его стычки с литератором Куллэ уже облетела, не побоюсь сказать, весь свет, даже по Всероссийскому ТВ-каналу показали. Литературный спор под рюмочку перешел в драку, и хозяин квартиры Виктор Куллэ ударил ножом своего гостя. Иван с большой потерей крови, брошенный погубителем на произвол судьбы, попал в реанимацию и провел там после операции непростые пять дней. Накануне моего приезда Куницын был у него (Ивана только что перевели в общую палату). Володя набирает номер телефона Жданова, и в этот самый момент звонит мой аппарат.

— Здравствуйте! Вы такой-то? Ваш паспорт в сочинском аэропорту, в отделении милиции.

Шок. Прилипший к небу язык. Выдавливаю из себя через силу:

— А что?.. А как?..

— Передал экипаж самолета. Будем думать, как лучше сделать.

Отбой.

А Куницын, поняв, в чем дело и обрадовавшись вместе со мной (я, правда, пока не столько радовался, сколько очумевал), взахлеб рассказывал Ивану историю с моим паспортом и все приговаривал:

— Это знак! Это все неспроста! Надо же, звоню Ивану — и в это самое время находится паспорт его друга и земляка! Секунда в секунду! Вот же промысел!

–Через полчаса снова позвонили из Сочи.

— Рейс 1028 прибудет в Москву в полночь. С ним ваш паспорт, можете забрать в представительстве авиакомпании.

И все? Так просто? Так вот совсем просто-просто!?

— Ура, Володя! Завтра с утра на Павелецкий, оттуда в Домодедово — и паспорт в кармане! И у нас еще почти два дня в полном нашем распоряжении! И тебе остается только выбрать ресторан, куда мы двинем отмечать эту замечательную сумасшедшую историю!

Рассудительный Куницын осаживает.

— Никуда с утра мы не помчимся. Сядем на телефон, все точно разузнаем: куда идти, к кому. А так-то — снова дров наломать.

В общем, на сей день страсти улеглись. Мы немного посидели семейным кругом. Помимо Марины, в этом кругу оказался младший сын Куницыных шестнадцатилетний Леонид. По причине болезни (грипп) он пропускал занятия в школе. Удивительный парень, как, наверно, все нынешние дети, малопонятный старшим, родителям в том числе. С одной стороны, победитель в немыслимо трудных интеллектуальных конкурсах в одной из лучших гимназий Москвы, с другой — двоечник и непослушник, наказание для учителей. Мечтает стать актером, за последние полтора месяца посмотрел сорок (!!! — я бы с ума сошел, честное слово!) спектаклей в различных театрах. Разговариваем о спектаклях, называем имена некоторых современных драматургов, интересуемся у Лени, видел ли, слышал, читал?

— Это! — восклицает по поводу пьесы одного из модных нынче драматургов. — Это вообще далеко от искусства, никакого отношения! — И почему-то обобщает: — Они недолюбленные!

Мы с отцом переглядываемся: оценка, прямо скажем, неходовая.

Вот и ночь подошла. Все разошлись по своим комнатам, я в который уже раз за последние два десятка лет ночую у Володи в каби-

нете. Он садится напротив меня, задумчиво смотрит на семейный «киот», где среди прочих фотография его кумира, его «недостижимая Джомолунгма» — отец Георгий Иванович Куницын, известный в литературном мире ученый, человек, который никогда не заглядывал в рот властителям, автор замечательной книги с мировой известностью «Общечеловеческое в литературе».

— Знаешь, — спрашивает Володя, — чем мой отец больше всего гордился в жизни? Это он сам мне сказал.

Пауза. Думаю, сейчас назовет книгу, кино (некоторое время Георгий Иванович работал в отделе культуры ЦК КПСС, отвечал за кинематограф – огромная должность), сыновей (их трое — сейчас осталось двое — все состоялись, выросли, повзрослели…).

— Два события он выделил. Участие в войне (ты знаешь, он пришел с фронта весь израненный, рука до конца жизни так и не работала толком) и то, что ему удалось отстоять (буквально — отвоевать!) фильм Андрея Тарковского «Андрей Рублев».

Помолчали. Через некоторое время Володя заговорил снова.

— Вот нам по семьдесят. Что мы оставим после себя? Что мы вообще собой являем? Были мастодонты, фронтовики, писатели разного уровня, но личности. Думаю, нет смысла перечислять. К ним прислушивались, их мнение всегда что-то значило…

— Еще бы! Геройская звездочка на груди, на лацкане депутатский значок…

— Да, и это тоже. Но там была сила помимо званий и регалий. Они и мощно стояли на ногах, и толкали в спину следующих, уже послевоенных, так называемых тогда, сорокалетних. Помню, писал рецензию на Руслана Киреева, в 78 году у него уже было напечатано двенадцать книг! Представляешь! Тогда, когда книги выходили с большим трудом, их продвижение стоило немалых сил и авторам, и издателям! Двенадцать! Где они? Что они? Кто помнит? Но и они, те, еще что-то успели, как-то были прочитаны, прозвучали. Однако у них уже не было сил никого подталкивать, выводить на дорогу… И вот пришли мы. Пустота! Смотрю на них, вокруг, на нас — и ничего не вижу! Не вижу!!!

Ах, Володя! Что-то похожее незадолго до ухода от нас писал наш товарищ, твой близкий друг из Твери Михаил Петров: «Пеплом сгоревших надежд все сильнее засыпает провинциальную

эйфорию конца 80-х — начала 90-х годов, когда многим из нас казалось, что книга, газета, телевидение наконец-то станут кафедрой просвещения человека, источником его творческой мысли, ареной добра, средоточием общего дела. Нас тревожило тогда, что человек перестал ощущать реальную связь с историческим прошлым и будущим страны, с землей и местом, где он живет и работает…»

И сам ты в письме ко мне — вот же, распечатал, с собой ношу, излохматилось, но не потерялось, как паспорт, к примеру: «…Лучшее для нас — там, в нашем осмысленном и по-настоящему одухотворенном прошлом. Да что там лукавить, ведь мы и есть те самые последние дети «Русской Атлантиды», заставшие уже на излете ее величие и волею судеб ставшие свидетелями ее стремительного сползания под воды истории. Немногим, самым гордым, еще удается держать свои головы над водой и кричать последние важные, сокровенные слова! Но вода у горла, и надежды, что она отхлынет, все меньше. А по мне, так ее и вовсе нет. Конечно, еще долго будут блуждать и тревожить под этой водой огненные всполохи, и даже над водой еще долго будут звучать Человеческие голоса и — затухающая мелодия великой русской речи, вещательницы души… Но… Обнимаю, брат. И порадуемся, что сюрпризы еще возможны… Твой В. К.»

Сюрпризы, да. О чем это он? Наверно, о том, что все сказанное выше есть освидетельствование (не путать со свидетельством!) эпохи, но не факт существования отдельной творческой единицы.

Вот что писал Иван Жданов в предисловии к сборнику стихотворений Бориса Капустина, тоже земляка с Алтая: «Он мало публиковался. И, судя по всему, не очень-то и пытался. Жил как придется и чем придется — типичный деклассированный элемент. Кто слышал его, кроме узкого круга друзей? И для чего говорил, если мало кто слышал? Тот случай, когда Бог, мирозданье владели его речью. Так через тоненькую нить накаливания в лампе проходит ток невиданной силы. Какой материал мог бы выдержать такое?! Вот он и умер. А можно сказать по-другому. От элементарной неумелости, неспособности выживать.

Пил, говорят, горькую. Отчего художники пьют? Самый простой ответ: в творчестве происходит изменение сознания, переход

в другие миры — как во время молитвы, медитации. Художник, как существо из далеких высот или великих глубин, заболевает после путешествий туда, испытывает нечто подобное кессонной болезни. Многие погибают, не выдерживают муки. Многие долго находятся в стадии умирания.

Ну, а там — в этих глубинах и высотах — что, только рай, ясный и умиротворенный? Нет, и там все непросто. В какие же конфликты вступала его душа? Это и были узелки его поэзии. И каждая тема — не произвольно назначенная, с потолка взятая, а самим существованием освоенная, выстраданная. Сплетение тем — канва для романа собственной жизни, романа с собственной жизнью, история человека, написанная от руки.

Вот сейчас, сейчас, сейчас
новый день и год случится,
сердце перестало биться,
и душа оборвалась,
и в зенит рванулась из
остывающего тела…

Борис Капустин написал эти пророческие строки за пару месяцев до своей смерти. Так ведь все и случилось. Он умер именно в новогоднюю ночь. Новый день и новый год случиться для него не успели.

Так кончается личная история поэта Бориса Капустина, но продолжается его общая история с теми, кого он любил. А их много — от Тредиаковского, Гёте, Пушкина и до нас, грешных, свидетелей его жизни, персонажей его жизни».

Ночь. Затихли домашние звуки, из-за глухо застегнутых окон доносится далекий гул вечно бодрствующей Москвы. На улице капель и тяжелые хлопья мокрого снега. Температура за окном плюс один, дома, в Барнауле — минус двадцать восемь.

На столе у Володи книга, по-видимому, недавно подаренная автором и еще нечитаная. «Желание быть русским». Хм. Автора я знаю, он всегда раньше многих улавливал дух времени и очертания грядущего. Это свойство, по моему мнению, ни плохое, ни хорошее, оно просто есть. Нисколько не сомневаюсь, что это самое

желание тоже угадано автором неспроста и тоже бередит ума и сердца не самых последних соотечественников. Но что-то меня дернуло в этом названии, что-то напрягло. Первый приходящий на ум отклик — желаешь быть — стань! Но нет, не то, не станешь ни вдруг, ни походя. А поди спроси любого встречного-поперечного с самым что ни на есть русским обличием, чем он русский, в чем его русскость? Да себя, черт возьми, спроси и попробуй ответить без раздумья!.. А может, в какой-то степени эта невозможность наскоро сформулировать, эта неопределенность и неохватность и выделяет нас? И дает возможность наполнять и наполнять этот не измеренный никем сосуд? Неизмеримый!

Открываю компьютер — вот оно, новое благо: все нужное с собой. Статья нашего общего старинного друга Петра Краснова из Оренбурга, того самого Петра, которого упомянул в «Литроссии» Владимир Берязев. Называется эта статья «Лимиты революций», читанная мной на несколько раз.

«Говоря о духовности русского народа, нужно понимать, что она состоит не только в православном мировосприятии, Вере, но и в связанной с нею приверженностью к Христовой в ее земном, человеческом понимании правде-справедливости. Потому-то и пошел он первым на решительное преодоление гнусной — и антихристианской именно — парадигмы (чуть ранее в этой же статье: «…не находилось народа, даже из самых развитых наций, который сумел бы, смог решительно пойти до конца, чтобы взломать ненавистную мировую парадигму угнетения и насилия, унижения и обмана человека человеком») человеческой истории. Он открыл дорогу, дал надежду на иное, лучшее будущее и доказал всем осуществимость этих чаяний, собою пробивая, прокладывая для всех путь, на горчайших порою ошибках учился, строил, создавал совершенно новую социально-политическую реальность, формацию, общность — русский социализм с его вызревшими к шестидесятым годам высокими нравственными установками человеческого общежительства, каких не было до сих пор и быть не могло ни в одном социуме, ни в одном самом что ни есть христианском государстве. И в короткий исторический срок, несмотря на тяжелейшую войну, построил основы социализма и предопределил все главные события в мире, совсем не зря XX век называют «Русским веком»…

Русский социализм выявил и востребовал невиданные доселе запасы народной энергии и воли, пробудил и вызвал к творческой жизни десятки и десятки миллионов из «простого народа», из самых низов подняв их к высотам культуры, искусства, науки, прогресса вообще, из земледельческой создав индустриальную и самую образованную и читающую страну в мире.

Но русский народ еще не сказал своего последнего слова, да и не будет оно «последним» у него, обладающего уникальным историческим опытом, нравственными разумом и волей в лучших своих представителях, способностью к сверхмобилизации в случае суровой необходимости».

Статья говорит о самом близком к нам в историческом отношении времени, понятном и непонятом. Увы. Может, вполне русского портрета и не создашь с помощью столь короткого временного отрезка, как знать…

А вот еще заметка, автор неизвестен, материал переводной, стало быть, издавался за рубежом. Зато текст вполне сочетаем с Петиной статьей.

«Русская цивилизация, ощущая себя наиболее многогранно развитой, во-первых, не ощущает себя конечной точкой развития для всего человечества, а во-вторых, таковой она не ощущает себя даже для самой себя. Оставляя бесконечный период для собственного саморазвития и самосовершенствования. Это то, чего никогда не было у западной цивилизации. Внутри себя ее апологеты всегда ощущали себя центром Вселенной и примером для всех рас и народов. Даже еще в совсем недавние по историческим меркам времена, когда отрицали личную гигиену, ели руками и выбрасывали собственные помои рядом с домом из окна.

Россия — это отдельная цивилизация, живущая по собственным законам развития. Это первое. И второе: Россия — это единственная мировая цивилизация, которая никогда никем не была покорена до конца.

Нужно только помнить, что мы русские и Бог любит Россию».

Все, силы мои не то чтобы на исходе, их не осталось вовсе. В голове путаница из обрывков мыслей, и самая отчетливая из них: мой паспорт улетел в Сочи вместо меня.

…Я выхожу из ласковых волн на горячую гальку пляжа и сразу вижу жену, сидящую в шезлонге и читающую мой паспорт. Это точно он, но слишком большой, величиной с толстенный роман. Рядом на подстилке из махровой простыни пристроился какой-то подозрительный тип с лицом, будто вылепленным из пластилина. Оно и меняется то и дело, подтаивает и оплывает, как взаправдашний пластилин под солнцем. Тип услужливо переворачивает страницы, то и дело заглядывая в лицо жены. Она отрывается от чтения, переводит взгляд на меня и говорит многозначительно:

— Книга мира!

Потом мы идем с ней по тихой улочке к своему утлому домику, снятому на две недели. Заглядываюсь на корявое деревце граната, листьев на нем почти нет, и плодов всего чуть, махонькие такие, с детский кулачок — заморыш, не гранат. Сейчас за разбитой калиткой будет дорожка, усыпанная переспелым инжиром, и в конце ее кабинка с летним душем. Я открою воду и долго-долго буду смывать соленые капли с любимого тела…

А вот мы уже на палубе прогулочного парохода, нас торопят, потому что время экскурсии ограничено, но меня мало интересует экскурсия, в сумке заветная бутылка кальвадоса, который я в томлении выдерживал вот для этого самого момента: выпить на борту морского судна. Мы же все равно куда-то поплывем — море, волны, кальвадос и любимые волосы цвета зрелой яблочной водки!

Вечер. Мы сходим на пирс. Оглядываюсь на море, ставшее почти безупречной гладью с ртутным отливом, и наблюдаю, как медленно теряет яркость оранжевая полоса отраженного в море заката.

Утром я проснулся по своему барнаульскому времени, то есть, по крайней мере, на четыре часа раньше хозяев. А если учесть мою жавороночью природу, — на все шесть. Потихоньку собрался и выбрался из квартиры. Все тот же мокрый снег, шлепающие по дорожному полотну колеса автомобилей. Маршрут привычный: метро «Университет», Павелецкий вокзал, аэроэкспресс до Домодедова. Почему-то о паспорте не думалось вовсе, вот приеду, найду представителей (а что их искать, они сидят в зале

транзитников у всех на виду!), заберу документ и, даст Бог, вернусь еще до побудки своих хозяев.

Сорок пять минут езды в комфортабельном вагоне, в кармане все та же газета с писательскими уроками, почитаем.

«Есть писатели, которые входят в кровь на заре жизни, а есть которые позже, когда дозреешь. А есть — что и так и так. Фронтом и вошли Лев Николаевич Толстой и Фёдор Михайлович Достоевский. Оба как из стратосферы. За пределами призваний… Уроки Толстого и Достоевского общие, стратегические. Главное — степень впечатанности в душу, независимо от прозрачности или непрозрачности, образности или необразности — огромность: князя Андрея, княжны Марьи, Кутузова. Может, когда ты мал — и образы огромней? Нет, не в том дело, у других писателей, прочитанных в детстве, не было такой монументальности персонажей. Можно приплести, что Толстой стоял на заре главной литературы, и такой первозданности образов не повторить. Нет. Дело лишь в силе. Но если, изучив Толстого, можно постигнуть его мастерскую и подвинуть с места за нарастание слабостей, то с Достоевским вовсе непостижимо…»

Эх, дьявол, умеют же люди писать! А я, получается, и читать толком не умею: ну, не входит в меня, не влазит, не впечатывается! Вот свалится что-нибудь этакое из стратосферы, читай из безвоздушного пространства, и не будешь знать, как заставить это дышать, научить жизни…

Знакомый портрет в газете отвлек меня от заголовка передовицы, а он занимателен, иначе не скажешь — «Писательский стол выше неба». Вот это я понимаю! Сразу и не найдешься, как реагировать. Не пришел же подобный образ ни Льву Николаевичу, ни Федору Михайловичу, наверно они по отдаленности от сего дня их времени или по какой другой причине считали, что выше неба может быть только… небо. Да что я за них-то, за больших — прошлых и нынешних — додумываю! В конце концов, это, думается, стол высокомерен, не писатель же!

Где-то на полпути в Домодедово ласково пискнул телефон: пришли деньги за редактуру книги того самого Владимира Костина из Томска. Ура! Я богат! Случается, и радость не приходит в одиночку. Вспомнилось из недавно прочитанного Костина,

как один из его героев рассуждает о том, что «моменты нового быта — дорогие одеколоны, сотовые телефоны, телевизионные пультики, такси по свободному вызову и прочее — льстили ему, но и как-то беспокоили: не в чужое ли время он забрался, мальчик, любивший серые бутерброды с маргарином, донашивавший за старшим братом пальто и брюки? Не пришлось бы однажды дорого заплатить за все эти сказочные вещи. Странно до раздражения сочетаются французский дорогой одеколон и электрическая соковыжималка с тем, что бывают дни, когда они всей семьей сидят на макаронах с остатками кетчупа». И тот же герой, думая обо всем этом и о предстоящей бражной встрече с друзьями, делится настроением, которое у него в те минуты было «вяло-хорошим. Например, человек получил квитанцию на средненький перевод, но еще не сходил на почту за деньгами».

Но меня нынче ничем этаким вялым не возьмешь, тем более что к упомянутым Костиным новшествам присовокуплено еще одно: нынче и на почту за переводом ходить не надо. Вот они, денежки, на банковской карте, а ее я (когда и оглядчивый — не все яйца в одну корзину!) спрятал отдельно от паспорта.

В аэропорту работники зала все больше черненькие, из бывших союзных республик. Москва-мама всем рада, и все рады, только вот гости иногда задают вопросы (Николай Шипилов привел в своем известном письме-завещании), на которые хочется ответить, не открывая рта: «А вапще русский эта существительна или прилагательна?»

Да стоит ли гневаться, если мы сами, как уже было сказано, не всегда находим, что сказать, определяя свою национальность…

А вот и девочки-милашки, в ряд сидят за стойками нужного представительства нужной авиакомпании.

— Здравствуйте, девушки! Как тут поживает мой паспорт?

— ???

— Ну, из Сочи который вам передали. Я его, очевидно, обронил в самолете, и он полетел дальше по маршруту.

Девушки походили от стойки к стойке, переговорили друг с другом и уверенно сообщили, что ни о чем таком слыхом не слыхивали. Посовещавшись еще немного, посоветовали мне

обратиться в специальную дверь, за которой находится служба «Летающий конверт». Скорее всего, мой паспорт у них. Нашел нужную дверь быстро, однако и за ней ясности не обнаружил. Что делать? В ответ пожали плечами и показали в сторону еще одной двери. Кто был в Домодедово (а кто, скажите, не был!), знает, какие там концы. Хожу, постукиваю своей палкой. Вопрос не отступает: что делать?

Так, отматываю ленту назад: известие пришло из полиции, стало быть, там и искать ответы. Звоню по номеру, который отпечатался у меня в айфоне с вечера — тишина. Иду искать местное отделение, а это еще метров четыреста, да, как выяснилось, в подвале. Железная дверь открывается через минутную паузу после моего звонка. Выходит молоденький сержант, красивый — будь я девушкой, на танцы позвал бы! Объясняю, в чем дело, даю телефон сочинской полиции.

— Ждите.

Жду. Подвальная прихожая — метр на полтора, ни стула, ни приступочки. Через полчаса спускается девушка в лейтенантских погонах.

— Ждете кого?

— Да. Моим делом занимаются.

— И держат здесь! Вот умники!

Еще через полчаса выглядывает мой сержант.

— Телефон не отвечает. Мы уже по другим, по своим, звонили — тишина. Ждите.

Жду. Понятно. Везде пересмена, новый день в разгаре, то да се… Проходит еще часок, стоять уже невмоготу. И тут разгневанный голос моего друга Куницына в телефоне.

— Мы же договорились утром созвониться с портом, узнать все и потом ехать! А ты устроил самодеятельность!

Я представил только что вышедшего из гриппа и далекого от нормальной формы Владимира, участвующего в гонках по залам и подвалам Домодедова, и мысленно возблагодарил Создателя, уберегшего меня от компании друга. Шел пятый час моего пребывания в аэропорту. Выглянув в очередной раз из-за железной двери, сержантик пожалел меня и посоветовал подняться в зал, чтобы где-нибудь пересидеть. Пока сочинская полиция

молчит. «Город образцовой культуры!» — ругнулся я про себя и тут же подумал: а может и вправду образцовый, если полиция не нужна по полдня. Закрыл глаза и опять увидел маленькие гранатики на оголенных ветках. Неужели он там еще, этот, этот!.. — возле самого синего, где сладкие очи и черные ночи?!

Мест в Домодедове, где можно посидеть, не так уж и много, но нашлись-таки свободные кресла в одном из залов прилета пассажиров. Так усидишь разве! Я опять поковылял к стойкам девушек из представительства и обнаружил возле них угрожающее количество толпящихся людей. В представительство просто так не обращаются. Понятно, не до меня.

Долго рассказывать, и самому по которому уж разу переживать неохота. Кое-как уговорил одну из девушек, и она после долгих переговоров по нескольким номерам телефона выяснила, что бригада моего самолета не в рейсе, кто-то добрый и участливый вытащил из постели неведомо в каком городе старшую бортпроводницу и выяснил у нее, что она передала мой паспорт в полицию. Вот! Живой документ, не попал в руки к мошенникам! А то меня из дома уже задолбили: там, поди, уж миллиона на три кредитов на твой паспорт набрали! Потом были поиски старшей из бригады, которая обслуживала сочинский рейс, и ее, к счастью, нашли не в полете. И она заверила, что, получив из рук полицейского, лично передала конверт с моим паспортом в почту.

— Так мы не там ищем! — воскликнула девушка по имени Даша, блондинка с серыми глазами. Еще работали Юля, Ирина и Вероника — всех запомнил. Они были так любезны, что даже телефон мой на подзарядку поставили. — Сейчас позвоним на сортировку…

Оказалось, что почта с рейса, который прибыл в полночь, еще не разгружалась, и случится это через сорок минут. Ну, через час. От силы — полтора. Но вот беда, потом надо будет идти в пятиэтажное служебное здание, а туда только по пропускам зайдешь или…

— У вас паспорт с собой? — И тут же опомнилась: — Тьфу ты!.. А у нас, видите, очередь. Пока не обслужим всех, идти некому.

А мне куда-то идти надо, привычка уже выработалась — иду в полицию. Сержант мой на этот раз выглядел каким-то встрепанным.

Мою благодарность и сообщение о никчемности дальнейших поисков полиции воспринял вполуха. Из-за его спины я расслышал россыпь реплик:

— Сбежал! Фотографии разосланы! Автомат с двумя рожками. Броники надевать? — спросила кого-то пробежавшая мимо меня девушка.

Ну, теперь точно не до меня. И слава Богу! Хотя автомат с шестьюдесятью патронами — это не шутка. Я уже не знал, куда идти в состоянии, близком к обморочному. Пошел наугад и снова оказался у дверей с надписью «Летающие конверты». И тут мне показалось (показалось?), что меня пожалели по-настоящему.

— Сейчас, подождите немного, — вот ее я точно не запомнил, как зовут, — мы найдем человека, отправим за вашим паспортом. Подходите через час, может, чуть раньше.

Время есть, я пошел к автомату, где отпускались бутылочки с охлажденной водой. Засунул в прорезь сторублевую купюру, выбрал напиток, и в окошко с надписью «сдача» мне ссыпалась моя сотня, только в виде железных десятирублевок. Надо же, подумал я, без обмана! Ровно через час я прислонился к столбу (стоять без дополнительной опоры плюсом к моей палке я уже не мог) напротив «Летающих конвертов». Постоял недолго, с полчаса, и ко мне подбежала совсем юная девушка, черненькая такая, подбелить — кукла Барби.

— Это вы ждете паспорт? — и она протянула конверт.

!!!

И это все?! И не надо никакой подписи, никакого пристрастного установления личности!? Вот так все просто!?

Девушка передала мне конверт, взмахнула ручкой и побежала дальше.

Я посмотрел на часы, половина пятого. С восьми тридцати, когда я сюда приехал, прошло каких-то восемь часов. Подумаешь — рабочий день.

Куницын ждал меня на своем автомобиле возле Павелецкого. Мы попали в час пик, угодив в такие пробки, что выбирались от вокзала в течение двух с половиной часов. Я поглаживал свой паспорт и приговаривал, что необходимо напиться.

— Сперва до дому бы добраться! — ругался мой нежный друг, а я таял и млел, ощущая под задом мягкое сиденье, а в голове полнейшую пустоту. Нет, соврал, я всю дорогу думал о том, что меня ни разу за весь день не обругали, не назвали растяпой и занудой, вообще были, если не ласковы, то вежливы и терпимы. Если бы не усталость, во мне вызрело бы чувство, похожее на любовь. Или даже она сама…

В заключение мы все-таки в одном из тесных проулков столкнулись бортами с эвакуатором, но Володя, не обнаружив серьезных повреждений, отказался от разборок. Уж больно дом был близок. Ох, Москва, Москва!..

Ужин был великолепен, Марина расстаралась: нежнейшее филе трески, избежавшей заморозки, салаты, квашеная капуста (верх совершенства!) от сиделки мамы Куницына Анны Петровны. Володя выпил три крохотных рюмочки водки, а я — бутылку вина.

Все. Мы оттаяли. Мы растаяли. Мы вяло перебираем события дня и смотрим друг на друга, как школьники, не выучившие ни одного урока накануне большой контрольной работы. Я вспоминаю строчки из письма ко мне от Владимира пятнадцатилетней давности. «Я просто тупо зарабатываю на жизнь своей семьи. И с ужасом думаю о том времени, когда меня выпрут на пенсию и я снова стану нищим и не смогу прокормить своих детей…» Выперли. Дети накормлены. Как будет дальше — кто знает! И меня выперли. И у меня дети. И все у нас как-то не вовремя. Дети совсем юные, жены нам в дети годятся… И никто нас не выпирал — состарились.

А порядок в жизни… Нету его, порядка. Борис Капустин, как его определил Ваня Жданов, деклассированный элемент, умер на стуле посреди общественной кухни. Упомянутый ныне же Стас Яненко умер от нанесенных в драке ран, Женя Гаврилов и до тридцати не дожил. Талантливые ребята, без дураков талантливые. Жив еще, но весь в ранах на больничной койке Ваня Жданов. Одиннадцатый сын в крестьянской семье, может, потому и живучий. А уж неудобный всякому встречному, а уж колючий!.. Да и сам себе порой не мил. Но вот написал же:

«Я буду дорожить
виной или ошибкой.
Ткань возвратится в нить,
чтоб грусти стать улыбкой.
Надежды больше нет,
есть только вера в чудо, —
и надо мною свет
неведомо откуда».

И тут же, рядом с этим стихотворением, в моих закладках выдержка из статьи Владимира Куницына о Владимире Солоухине.

«И не важны здесь расхождения и несогласия, не существенны конфликты идей и мнений, вся эта пыль и суета самолюбивых заблуждений и узкопартийных эгоизмов, ибо — над всем этим, в общем-то, бытовым гулом извечной литературной и социальной нервотрепки, расправив широкие, чуткие крылья, парит прекрасная сила художника, сумевшая выразить в слове любовь свою к земле родной, к небу и человеку на этой земле и под этим небом».

Вот они, ответы — вопреки или во славу многим и многим урокам.

Володя, уставший от волнений за меня и от московских автогонок, ушел спать.

Книга лежала нетронутой на прежнем месте, и опять меня что-то удержало открыть ее. Вместо того я открыл страничку в компьютере, где хранится письмо Коли Шипилова — завещание русской цивилизации «К особому пути России». Поначалу оно было опубликовано под псевдонимом Савватей Кутузов из Кейптауна.

«Русские — высокоразвитый этнос, создавший на своем историческом пути мировые шедевры литературы, музыки, живописи, космической техники. Но самое главное — своими трудами, жертвами, стоицизмом и неприхотливостью они создали Империю на суровых, зачастую бросовых землях. Они создали планету по имени Россия, но губительно отяготили себя искусственными спутниками национальных образований. Русские — народ-воин, народ-сеятель. Русские — победительный этнический сплав

высочайшего качества, существующий как вызов, как укор народам, не способным к самоотверженной и благородной борьбе с постоянными кознями соседей. Русские — единственная в мире цивилизационная преграда на пути номадов. Это воистину Третий Рим, который может пасть и обрушить весь традиционный мир, если русская Россия не определит векторы обороны и контрнаступления».

В эту ночь я спал без сновидений. А наутро мы долго завтракали, пили кофе, совещались, как провести мои последние часы в Москве. Немного повспоминали тех, кто далеко, совсем-совсем далеко и тех, кто рядом, но дальше всех. Потом поехали по магазинам за гостинцами для моих барнаульских родичей, а после — в итальянский ресторан на Ленинском проспекте (названия не запомнил). В этом ресторане Володя совсем недавно отмечал свое семидесятилетие. Хороший ресторан и, к удивлению, недорогой. То есть — терпимый. Больше всего говорили о детях, о том, что рано оставляем их без отцовской помощи. В общем-то, и не списывали себя за ненадобностью, не вычеркивали из тетрадки по имени жизнь… И птицы наши еще высоко в небе, глянь-ка — под самыми облаками! Но все труднее поднять к ним головы.

В аэропорт — дом родной, Домодедово! — я приехал с запасом времени, но регистрация уже шла. Паспорт, ремень, часы, телефон — что еще теряется у таких, как я? — вроде все после проверок на месте. Паспорт — в карман рубашки, ближе всего к телу.

Забился в угол кафешки неподалеку от своей секции посадки, заказал белое вино. Цена — все знают, какие цены в столичных аэропортах! — меня не остановила. Вино оказалось легким, с тонким мускатным оттенком и — теплым. Покупать его здесь — деньги выбрасывать на ветер, но я выпивал и заказывал снова. Выпивал и заказывал. Какой-то нечистый заставлял меня впустую тратить и тратить деньги, хотя остаток здравого смысла давно испуганно голосил, что до пенсии еще далеко.

В самолете я впервые за всю свою долгую полетную жизнь задремал, и сквозь дрему ощущал — слышал, видел, — как рвутся ко мне звуки и знаки.

— Недолюбленные! — жаловался молодой голос.

— Андрей Рублев! — следовало за ним тоном объявления в магазинной кассе.

А перед глазами — отражение закатной оранжевой полосы на ртутной глади моря и маленькие гранатики на безлистых поникших ветках.

И вдруг кто-то из экипажа, — может быть, сам командир, — объявляет по радио:

— Мы сейчас вступаем в эпоху, когда человечеству предстоит сделать выбор, какой у него будет дальнейшая жизнь…

Но служивый баритон тут же накрывает хрипловатый басок Ивана Жданова:

— Любое из сокровищ мировой культуры — лишь ниточка полотна личной истории поэта, сотканной из грубой основы, где кастальский ключ поэтического вдохновения давно уже сменился раздолбанным унитазом, который «бормочет о чем-то сокровенном».

— Ваня! — узнаю я собственный голос, долетающий откуда-то издалека. — Мы уже давно выше облаков!

И он в ответ:

— Воскресение — возвращение посланника к тому, кто его послал, и оно не может произойти никаким иным путем, как через смерть; здесь путь из бытия через небытие в сверхбытие, в вечность… Воскресение происходит всегда и во времени не нуждается, хотя воскресение не враг времени, у него вообще нет врагов, ибо оно любовь, оно есть Бог.